

Н.В.Ракуц

Индейцы Бразилии в современном мире

В статье дается краткий очерк современного положения индейцев Бразилии с учетом изменений, внесенных в жизнь индейских народов конституцией 1988 г. Рассматриваются современные культурные процессы, экономическое положение индейцев и проблемы, возникшие у них в связи с натиском глобализации.

Ключевые слова: индейцы Бразилии, территории, этничность, образование, культура, индейские организации.

Бразилия относится к числу тех латиноамериканских стран, где весьма невелика численность сохранившегося индейского населения. Но в сущности никто, включая специально занимающиеся этим вопросом организации, не знает, сколько же собственно индейцев проживают в Бразилии. Из-за отсутствия единой методологии исследований расхождения в подсчетах довольно значительны и зависят, например, от того, учитываются ли только индейцы, живущие в резервациях, или и городские тоже, какова численность так называемых «самоизолировавшихся» групп, при этом не всегда даже точно известно, где они живут и на каких языках говорят, хотя и *предполагается*, что в целом индейцев, избравших добровольную изоляцию, порядка 900 человек. Важно также, проводятся ли подсчеты на основе самоидентификации или по иным критериям. Только Бразильский Институт Географии и Статистики (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, IBGE) в своих опросах берет за основу самоидентификацию и определяет численность индейцев Бразилии в более чем 700 тыс. человек. Свои критерии того, кого считать индейцем, имеются как у Национального индейского фонда (Fundação Nacional do Índio, FUNAI), так и у Национального фонда здравоохранения (Fundação Nacional de Saúde, FUNASA) или Социально-экологического института (Instituto Socioambiental, ISA). Поэтому в разных источниках приводятся самые различные данные: например, что индейцы составляют 0,1%, 0,17%, 0,2%, 0,4% или даже 1% населения Бразилии. Таким образом, количественные показатели варьируются от 220 тыс. (наиболее частая в официальных документах цифра) до вышеупомянутых

Николай Викторович Ракуц — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИЛА РАН (Ychma@rambler.ru).

700 тыс. Кроме того, авторы, изучавшие данную проблему, часто работали с материалами за разные годы, а за последние 25 лет прирост индейского населения примерно в 2,5 раза превышал общенациональные показатели. Поэтому, учитывая как городских индейцев, так и живущих вне резерваций, из-за того, что последние до сих пор не выделены государством, или по иным причинам (обе эти группы составляют *предположительно* от 100 до 190 тыс. человек), а также включая самоизолировавшиеся группы, не признанные FUNAI, но реально существующие, оценивать численность индейского населения Бразилии можно предположительно по крайней мере в 400—500 тыс. человек, из которых более половины живут в Амазонии¹.

По официальной статистике, все индейское население включает 220—227 общностей, говорящих на 170—180 языках. Некоторые индейские группы (37) давно утратили свои языки, и перешли на португальский (это особенно характерно для Восточной Бразилии, однако аналогичные случаи известны и в Амазонии). Ряд других языков, включенных в этот перечень, уже практически исчезли, поскольку на каждом из них сегодня еще говорят не более пяти человек. Но есть и другая статистика, согласно которой и этнических групп, и языков гораздо больше. При этом, данные о количестве сохранившихся до сего дня индейских языков могут варьироваться даже в изложении одного и того же автора. Большинство индейских групп Бразилии невелики — по несколько сотен или, в лучшем случае, тысяч человек. Лишь 10 народов (два из них давно перешли на португальский язык) имеют численность от 8 до 30 тыс. человек каждый. В настоящее время в условиях развивающейся глобализации, сопровождающейся насильственным «втягиванием» индейцев в рыночные отношения, каждый индейский язык Бразилии, по мнению лингвистов, может считаться находящимся под угрозой исчезновения.

Необходимо учитывать и влияние четко обозначившегося в последнее десятилетие процесса так называемой «реэтнизации» (известного также на примере соседней Аргентины), в результате которого многие группы, ранее отказавшиеся под давлением обстоятельств от своей индейской идентичности и объявлявшие себя кабокло (метисами), теперь, после принятия Конституции 1988 г., пытаются ее восстановить. Иногда взамен утраченных собственных языков они пробуют использовать даже некогда широко известный в колониальной Бразилии так называемый «лингва жерал» («общий язык»), созданный миссионерами на основе языка тупи, основного в то время на побережье Бразилии, который недавно вновь объявили вторым официальным языком, в частности в части штата Амазонас. Однако в том же штате одна индейская группа, в середине прошлого века захотевшая стать кабокло, т.е. улучшить свой социальный статус, и перешедшая на «лингва жерал», подверглась затем остракизму соплеменников, сохранивших свой язык в условиях, когда после принятия новой Конституции индейцем оказалось быть более престижно. Попытки реэтнизации чаще всего встречают резко негативное отношение государственных учреждений из-за того, что, если эти общины будут признаны индейскими, им следует выделить земли².

В современной Бразилии признано слово «индеец», в том числе и самими коренными жителями, и применяется ими и как обобщающий термин, и как политический слоган, хотя каждая конкретная общность осознает себя особым народом с собственным названием. Индейцы Бразилии отнюдь не

Индийский лидер в столице Бразилии

представляют собой некое гомогенное целое, как видится «белым» бразильцам, напротив, это народы с очень большим языковым и культурным разнообразием. В дальнейшем изложении мы предпочитаем для краткости использовать по отношению к этим группам, безотносительно к их численности, термин «нации», как это принято в США.

Положение бразильских индейцев начало существенно меняться в 70-х годах, когда под влиянием индихенистских неправительственных организаций возникли и собственно индейские, включившиеся в борьбу за права коренного населения, и начался постепенный и трудный процесс возвращения индейцам их земель. Огромную роль сыграла новая бразильская Конституция 1988 г., которая объявила, что «коренные народы» на своих территориях обладают исключительным правом на пользование земельными и водными ресурсами и полезными ископаемыми. При этом, однако, не забыли подчеркнуть, что сами эти территории остаются собственностью бразильского государства, а «коренные народы» обладают лишь правом владения. Смысл этой оговорки мы рассмотрим ниже. Но даже несмотря на это Конституция положила начало широко развернувшемуся процессу создания и узаконивания так называемых «индейских территорий/резерваций» (ИТ), который, впрочем, до сих пор не завершен. Отдельные попытки такого рода предпринимались и несколько ранее, но тогда в весьма ограниченных масштабах. Сегодня же ИТ занимают в целом порядка 12,5% территории Бразилии (в Амазонии 20,8% территории и около 51% ее лесов). Также наметились определенные сдвиги в развитии здравоохранения, в том числе и с учетом традиционных индейских практик (однако здесь дело обстоит все еще довольно плохо: детская смертность у индейцев

выше, чем у белых, в 2,5 раза, недоедание зафиксировано у 30% детей в возрасте до 5 лет), и налаживании образования среди индейцев. Все это сопровождалось и упомянутым выше увеличением прироста индейского населения. Если судить по оценкам середины 1980-х годов, когда численность индейцев в Бразилии оценивалась в лучшем случае около 150 тыс. человек, то за четверть века она возросла в два—четыре раза (в зависимости от того, как считать). Вместо ожидавшейся правящими кругами страны еще в 1970-е годы полной интеграции индейцев в «белое» общество и их окончательной деэтнизации, Бразилия с наступлением эры глобализации оказалась перед фактом роста численности индейского населения, укрепления его самосознания и усиления борьбы за свои права и сохранение этнокультурной самобытности³.

Число индейских резерваций (часть из которых включает природоохранные национальные парки или находится на их территории) уже превысило 600, хотя далеко не все они полностью прошли процесс юридического оформления и сильно различаются в зависимости от региона расположения. Например, в Восточной и Южной Бразилии, где натиск колонизации был наиболее сильным и длительным, это, как правило, отдельные мелкие ИТ, так что одна нация оказывается разделенной, и ее территории окружены землями неиндейского населения, как, например, резервации таких крупнейших индейских наций Бразилии, как гуарани и каинганг (их примерно по 25—30 тыс. человек) на Юге, резервации шавантов в Мато-Гроссо. Реже встречаются относительно небольшие, но единые территории, такие, как резервация потигуара на Северо-Востоке. И в первом, и во втором варианте эти ИТ, как правило, не могут обеспечить нормального самодостаточного экономического существования индейских общин, а также поддержания и сохранения культуры. Другое положение, казалось бы, куда более благоприятное, в Амазонии, где резервации занимают иной раз миллионы гектаров, а на их территории живет нередко по несколько наций (ИТ Алто-Рио-Негро на Северо-западе Амазонии, ИТ Яномами и Рапоза Сера-до-Сул в штате Рорайма, национальный парк Шингу). Хотя и в этой зоне есть небольшие по размерам резервации (например, в штатах Акри и Рондония). Различаются Восток и Юг, с одной стороны, и Амазония — с другой и еще по одному показателю. Индейцы первой зоны давно находятся в контакте с «белыми» (кто-то с начала Конкисты, другие позже, но по крайней мере с XIX в.). Часть индейцев Амазонии тоже довольно давно подвержена этому воздействию, например, тикун штата Амазонас, которых использовали в качестве рабов еще в XVIII в., а затем активно эксплуатировали во времена печально известного «каучукового бума» конца XIX —начала XX вв. (однако в отличие от многих других наций они смогли его пережить). Но многие нации «вошли в контакт» лишь в XX в. (яноама — 50 лет назад), в результате 57 из них исчезли уже к 1957 г., и именно здесь также имеются самоизолировавшиеся группы, которые до сих пор вообще не желают ни с кем контактировать. Следует отметить, что и в целом большинство индейских наций Амазонии до сих пор имеют довольно ограниченные контакты с «белыми» в смысле вовлеченности в местную рыночную экономику. Здесь также есть ряд «пограничных» наций, чьи территории разрезаны современными политическими границами (яноама в Бразилии и Венесуэле, тикун в Бразилии, Колумбии и Перу, ашанинка и кашинауа в Бразилии и Перу и т.д.).

Индийская деревня в Амазонии

Немаловажен следующий факт. В Бразилии сегодня под словом «Амазония» понимают так называемую «Легальную Амазонию» (термин введен законом N 1806 в 1953 г.), составляющую более 5 млн км² и выходящую, строго говоря, за пределы бассейна Амазонки в Бразилии⁴.

Насколько могла сохраниться индейская культура в условиях активной колонизации, войн, эпидемий, изгнания индейцев с их земель и христианизации на протяжении 500 лет? У многих наций, особенно на Востоке Бразилии, самобытная культура практически утрачена, и от окружающего «белого» населения (сами индейцы понимают сегодня под этим термином всех неиндейцев вообще) мало чем отличается. Хотя некоторые остатки ее все же сохранились. Самый, пожалуй, важный признак, который выделяет индейцев, — это общинная организация, в некоторых случаях — язык или то, что от него осталось. Но произошло, довольно сильное смещение культурных особенностей, прежде всего, в ритуальную сферу. Теперь стараются, по возможности, восстанавливать даже основательно забытые ритуалы (это «полезно» и с точки зрения привлечения туристов), если не на своем — утраченном — языке, то хотя бы на языке соседей. На побережье сегодня практикуются и ритуалы, доступ на которые, даже в качестве зрителей, неиндейцам запрещен. Однако и в этих сложных условиях некоторые нации, например каинганг, смогли сохранить и язык, и самосознание, и традиционные обряды, верования и обычаи. Аналогичные факты сохранения остатков прежних традиций известны и в среде городских индейцев, наиболее «аккультурированных». В Амазонии и некоторых других районах положение лучше: наряду с языком сохраняются такие традиционные эле-

менты культуры, как украшения, раскраска, танцы, песни, некоторые ремесла и другие специфические культурные детали, такие, например, как наличие у одного человека множества имен. Так, у некоторых наций одни имена могут быть для своих, другие для «белых» (последние можно сколько угодно раз менять), у других наций имена являются личной собственностью наряду с садовыми участками, приобретенными промтоварами и домашними животными, могут передаваться по наследству, отдаваться в долг. Поддерживается и традиционная внутриобщинная иерархия (также различная у разных наций), хотя разделение по социальным группам/слоям отсутствует. Часто сохраняются и традиционные методы ведения хозяйства, наилучшим образом приспособленные к данной природной среде, и поэтому сильно различающиеся в зависимости от территории (земледелие — охота — собирательство, земледелие — рыболовство — охота) и т.п. Равным образом разные нации практикуют различные способы расселения, периоды проживания на одном месте и т.д. Но даже в этих условиях многие элементы культуры подчас забываются и выходят из употребления под натиском «белой» цивилизации и глобализационных процессов или же если, например, из-за нехватки земель кочевые охотничьи группы ведут более оседлую жизнь, например, как шаванты. Часто традиции сохраняются уже в виде атрибута для привлечения туристов. Однако, ритуалы, даже видоизменившиеся, продолжают и здесь играть важную роль⁵.

В том или ином виде культурное своеобразие существенно влияет на то, что называют этнической идентичностью. Правда, не все исследователи согласны с тем, что данное понятие применимо к сегодняшним индейцам. В известном смысле они правы, поскольку обычно (хотя и не всегда: так у яноама и маку выделяются локальные группы, а у тикуну существует даже общий совет племени) каждая индейская деревня представляет собой совершенно автономное образование и сама вырабатывает свои правила отношений с внешним миром. Поэтому «национальные» понятия на деле часто могут оказаться просто учеными терминами: например, «яноама» разделены в реальности на четыре группы с особыми языками, разница между которыми сравнима с различиями между языками романской группы. Но тем не менее о некоем подъеме индейской идентичности говорить, видимо, можно. Об этом свидетельствует хотя бы рост количества индейских организаций, о которых мы далее поговорим особо. Изменилось (хотя бы официально) и само содержание понятия «индеец». Не так давно в бразильском обществе грань проводилась между «индейцами» и «цивилизованными». Нельзя, разумеется, поручиться, что и сегодня кое-кто (и даже многие) так не думает, но факт изменения политики в индейском вопросе все же налицо. Для самих индейцев, на мой взгляд, решающими факторами стали, во-первых, процессы возвращения им земель, причем ни в одной стране Латинской Америки за индейцами не закреплено, даже в нынешнем виде, такое количество земель, как в Бразилии, а во-вторых, получение доступа к образованию, причем что особенно ценно и что выделяет Бразилию на фоне многих других стран, к двуязычному образованию для индейцев, и в лучших его образцах — еще и с учетом особенностей традиционной индейской педагогики, дабы образованные люди не уходили из общин в города, а возвращались домой. Успехов тут пока явно недостаточно, но они есть. Так имеются отдельные положительные примеры сохранения и

усиления позиций некоторых индейских языков. Сейчас, похоже, уходят в прошлое (хотя и медленно) миссионерские и подобные им школы для индейцев. В них основные усилия педагогов были направлены как раз на полное «разиндеевание», деэтнизацию учеников. Первый индеец-антрополог Бразилии, Г. дос Сантос-Лусиано (из нации банива в ИТ Алто-Рио-Негро) вспоминал о жестоких наказаниях, которым подвергали таких как он в школе миссии

салезианцев за использование родного языка. Для салезианцев такая практика вообще была всегда особенно характерна. Сейчас положение несколько иное: на территории бразильских ИТ действует более 2 тыс. школ, 85—88% учителей в них — индейцы. Именно они, в результате, составили костяк современной индейской интеллигенции, наряду с работниками здравоохранения и охраны природы. Следует заметить, однако, что доступ к высшему, а часто и среднему образованию для индейцев до сих пор затруднен по разным причинам, в первую очередь по финансовой. Только 72 индейские школы дают среднее образование. В начальных школах обучение проводится (увы, далеко не всегда) на родном языке с изучением португальского как второго. Однако среднее образование продолжает строиться по «городской» модели, и не связано с индейской жизнью. Проблемой по-прежнему остается обеспечение школ учебными материалами на соответствующих языках, а школы сильно зависят от капризов местных чиновников в вопросах финансирования. Работы энтузиастов по созданию учебников, словарей и грамматик вносят в дело индейского образования важный вклад. Но это до сих пор по достоинству не оценено. Один из самых важных, на мой взгляд, результатов данного подхода к образованию состоит в том, что в индейских общинах появились люди, знающие языки (не только португальский, особенно в пограничных с испаноязычными государствами общинах), свободно обращающиеся с различной техникой, в том числе с компьютерами и рациями. Это позволяет им поддерживать прочную связь с другими общинами, индейскими и индихенистскими организациями не только у себя в стране, но и во всем мире, овладевать техническими навыками и применять их на практике. Например, «дикие» яноама сейчас используют компьютеры и Интернет в целях поддержания и сохранения своих национальных традиций, знаний и защиты прав⁶. Главный вопрос, как всегда, — на какие средства приобрести эти самые компьютеры и прочую технику и обеспечить их работу? Казалось бы, можно прибегнуть к помощи федеральных организаций (FUNAI, FUNASA, ISA и т.п.), но на практике все оказывается далеко не так просто.

Начало перемен в индейской политике, которые связаны с конституцией 1988 г., ознаменовалось яростным и открытым сопротивлением совершенно определенных кругов бразильской политической и экономической элиты, а занимающиеся индейскими делами организации оказались непосредственно втянуты в развернувшуюся борьбу. Конгрессменами уже

предложено внести в Конституцию порядка 100 поправок, которые, будь они приняты, полностью уничтожили бы все декларированные этой самой Конституцией права индейцев. Так что конституционные гарантии индейцам приходится ежедневно отстаивать, ибо возможностей их нарушения великое множество. Начнем с того, что статья 232, провозгласив формально индейцев равноправными гражданами Бразилии, не предоставила им при этом всего пакета соответствующих прав (заявив в то же время об отмене опеки над индейцами, хотя патернализм, изначально свойственный, скажем, FUNAI, никуда не делся, но превратился в хорошее орудие в политических играх). Индейские нации не хозяева своей земли, а лишь имеют право пользования ею. Причина проста: неолиберальное (каковым оно себя именует) законодательство не предусматривает общинной/коллективной формы собственности. Так что реальным собственником остается государство. Но что тогда при удобном случае в принципе мешает ему воспользоваться своим правом собственника на те самые землю, воду и особенно полезные ископаемые той или иной территории? Да, формально на экономическую деятельность на индейских землях требуется согласие конгресса, который должен также гарантировать индейцам участие в прибылях. А чтобы стать полноправными собственниками, индейцам нужно перестать быть общинниками, т.е. теми самыми индейцами. Забавная неолиберальная логика. Еще один момент, связанный с тем же земельным вопросом: когда принималась Конституция (1988 г.), FUNAI было дано пять лет на делимитацию **всех ИТ**. А их, если верить источникам, еще и сегодня предстоит оформить чуть ли не столько же, сколько успели (да и то далеко не полностью), на сегодняшний день, т.е. за 20 лет работы. FUNAI, однако, действует проще и эти оставшиеся 600 территорий как будущие ИТ пока просто не признает. Впрочем, удивляться тут нечему, поскольку демократическая законодательная машина работает на удивление медленно, а разработанная FUNAI процедура узаконения ИТ настолько громоздка, что и 50 лет на все может не хватить. В особенно тяжелой ситуации находятся как раз упомянутые ранее индейские группы, избравшие путь самоизоляции. Если исходить из понятий о правах человека, то такое право у них есть. Но правительство при этом должно обеспечить их землей для проживания и надлежащую безопасность их самих и их земель. Да, должно, при условии, что FUNAI признает эти группы. Пока же Фонд из 46—50 таковых признал только 12. Ведь его деятелям некогда, и так ничего не успевают. Поэтому всегда есть шанс, что могут успеть другие. Просто потому, что, например, соседним с этими группами землевладельцам совсем невыгодно, чтобы индейцев обнаружили, как невыгодно это и разного рода браконьерам, лесорубам, старателям. Как они станут в этом случае действовать, объяснять, полагаю, излишне. Таких примеров в истории Бразилии было уже предостаточно. В итоге в стране образовался даже Фронт этно-экологической защиты, создавший собственные посты, которые контролируют, в том числе и вооруженным путем, защиту индейских групп, находящихся в состоянии самоизоляции, от нежелательных контактов с внешним миром. Хотя вряд ли они смогут решить проблему только таким образом.

Случаен ли после этого тот факт, что в ходе социологического опроса, проведенного в 2000 г. по инициативе ISA, респонденты («белые») выделили три основных проблемы, стоящие перед индейцами: защита своих земель от внешнего вторжения, сохранение культуры, борьба с болезнями, приносимыми «белыми»⁷. Неплохо, после 12 лет действия новой Конституции. Первый ответ, как нам кажется, можно было бы даже переформулировать: земельный вопрос, включающий как проблему нехватки земель во многих индейских резервациях (а у некоторых групп и наций и полное их отсутствие), так и проблему защиты уже полученных земель (от самовольных колонистов и землевладельцев-fazendeiros, горнодобывающих, агропромышленных, лесопромышленных, строительных компаний, бразильских и ТНК, старателей-гаримпейро, самовольных лесорубов, браконьеров, наконец). И именно эта проблема оказывается ключевой для понимания и двух остальных.

О нехватке земли во многих ИТ, прежде всего на Востоке и Юге, уже упоминалось выше. Но даже эти недостаточные сами по себе для нормальной жизни резервации постоянно служат объектом вождения как соседних fazendeiros, так и просто безземельных крестьян (которых, по подсчетам, в Бразилии 7 млн человек), а также крупных компаний. Но чего еще ждать, если в Бразилии 1,1% собственников владели, по данным на конец XX в., 43% обрабатываемых земель, а другие 50% лишь 3% таковых? В печати уже приводились многочисленные случаи самовольного захвата земель в ИТ на Востоке и Юге. И что примечательно: произвести захват всегда удастся быстро, а вот раскрутить «демократическую» «неолиберальную» судебную машину, чтобы добиться удаления незваных пришельцев, удастся с трудом, и уходят на это не то что годы, а десятилетия! Так, одна из ИТ шавантов, Марантседе, была делимитирована FUNAI еще в 1985 г. Но ее жители были просто изгнаны и до сих пор ожидают законодательного решения о возвращении им земли, осев вдоль дороги N 158. Случаются, конечно, и примеры обратного. Иногда дело доходило и до насильственного изгнания захватчиков. Бывают случаи и мирного решения вопроса. Так, паташо, а также каинганг добились возвращения им части земель, отторгнутых fazendeiros, еще до принятия новой Конституции. А в 2007 г. индейцы гуарани штата Эспирито-Санто получили обратно 11 тыс. га земли, присвоенных целлюлозной компанией «Aracruz», действовавшей по заказу ТНК «Procter&Gamble». Дело получило громкую огласку лишь после прибытия индейцев в район Дюссельдорфа в ФРГ, где они блокировали вход в здание корпорации. Но таких примеров, увы, немного.

К тому же следует учитывать, какой в буквальном смысле слова разгром оставляют после себя такие захватчики на этих и без того небогатых землях: уничтожение лесов, достигшее в Бразилии огромных масштабов, эрозия почв, отравление рек химическими отходами и др.

Проблема, однако, еще и в том, что в борьбу за индейские земли вовлечены очень влиятельные персоны. А для них все средства хороши, поскольку они уверены, что наказания не последует. Например, еще в 70-х годах XX в. начался упомянутый выше постепенный процесс возвращения индейцам-паташó их земель. А в 1994 г., по сообщению одной католической радиостанции, конгрессмен Роланд Лавинь в ходе собственной избирательной кампании отправил на насильственную стерилизацию в свои частные клиники несколько сотен женщин паташó под предлогом того, что чем меньше детей в семье, тем выше ее благосостояние. И что самое страшное — эти женщины за него и голосовали! Индейцам подоплека этой «заботы» была отлично понятна: Лавинь был тесно связан с крупными фазендейро, незаконно оккупировавшими земли паташó. Чем меньше индейцев, тем им лучше. Нигде даже не упоминалось о том, что этот сенатор понес какое бы то ни было наказание. «Демократия» ... Все было якобы добровольно.

Как средство устрашения нередки и политические убийства. Таких случаев в современной Бразилии было много и наверняка еще будет. Например, только, в 2001 г. гибель не менее десяти человек была напрямую связана с земельными конфликтами. Полиция и местные власти ни одно из этих преступлений не раскрыли опять-таки потому, что за этим стояли фазендейро.

ИТ Северо-Востока и Юга Бразилии вследствие своего малоземелья втянуты в рыночную экономику (производство товарных культур из-за невозможности вести традиционное хозяйство, туризм) и потому наиболее уязвимы. Кроме того, их жители относятся к беднейшему слою населения страны. Для таких ИТ угрозу представляет (кроме прямых захватов) даже просто сдача земель в аренду. Законом такого рода сделки на территориях всех ИТ запрещены, но они тем не менее происходят, поскольку заинтересованные в них элиты поддерживаются судебными властями. Кроме того, некоторые индейские лидеры на западный манер стали понимать автономию как синоним авторитаризма и принимать решения самостоятельно. Те, что касаются аренды, концессий на лесоразработки и т.д. Это также приводит к росту насилия, нищеты и межобщинным конфликтам, как, например, среди тех же каинганг. Для этих регионов также особенно характерен феномен реэтнизации⁸. Что в условиях малоземелья в принципе понятно.

Безусловно, эти и другие земельные проблемы индейцев во многом являются результатом развития столь восхваляемой за свой динамизм бразильской экономики. Рассуждая о современном экономическом положении Бразилии только как антрополог и стараясь сделать это с точки зрения интересов индейцев, важно отметить, что данная экономика с этой точки зрения развивается по принципу «после нас — хоть потоп» (этим она отличается от традиционной индейской экономики, рассчитанной не на сиюминутную прибыль, а на сохранение среды обитания). В отличие, например, от стран Скандинавии, где давно поняли, что лес — великое богатство, если им правильно распорядиться, и его надо не только рубить, но и сажать. В Бразилии все наоборот. Лес просто рубят — на продажу, для получения древесного угля, выжигают под пастбища, посадки генетически модифицированной сои, которые через несколько лет все будут заброшены. Уничтожают, невзирая на последствия: помимо распространения заболеваний (малярия, денге и др.) это еще и эрозия почв, загрязнение среды

и т.д. И если бы индейцам Бразилии не отдали в качестве резерваций половину лесов Амазонии, легко можно себе представить, что с ними стало бы в ближайшие годы. То же самое, что произошло с уникальными лесами араукарии на юге Бразилии, кормившими индейцев с незапамятных времен, и которые, пока индейские территории еще не были по-настоящему узаконены, были подчистую уничтожены компаниями по добыче древесины.

Существует масса проектов по борьбе с бедностью, по развитию индейских экономик и территорий, вроде бы направленных на улучшение положения индейцев. Но эти проекты развития направлены в первую очередь на подчинение индейских экономик рынку, в котором они неизбежно окажутся неконкурентоспособными и будут обречены на деградацию. Там, где какие-либо проекты помощи все же реализуются, подчас поражает элементарная некомпетентность «специалистов», их осуществляющих, даже если это, например, профессиональные немецкие антропологи, работавшие несколько лет среди индейцев канела в штате Мараньян. В результате их «помощи» была нарушена традиционная система власти, произошли дезорганизация хозяйства и внутриобщинные расколы и т.п. Для этого достаточно было лишь нанять часть общинников в помощники и начать платить им зарплату⁹.

Если рассмотреть ситуацию с земельным вопросом в Амазонии, то при всех особенностях этого региона, многие проблемы здесь окажутся теми же. Пожалуй, главное отличие Амазонии в том, что там охочие до индейских земель господа более разнообразны по составу: ко всяким скотоводам, рисоводам и прочим следует добавить огромную армию старателей-гаримпейро, лесозаготовителей, дорожных строителей, энергетиков и др. (С этим может сравниться разве что положение в штате Мато-Гроссо.) И все они пользуются поддержкой властей, потому что составляют электорат на разного рода выборах, а также «способствуют экономическому развитию». А тот факт, что в Амазонии индейцам выделены крупные территории, только разжигает аппетиты, особенно если там имеются не только хорошая земля и лес, но еще и золото, алмазы, олово, гидроресурсы и т.п. В печати в свое время широко освещалась, например, борьба, развернувшаяся в штате Рорайма, куда с началом очередной золотой лихорадки в 1980-х годов вторглись старатели, заполонив земли индейцев яноама. К добытчикам отнеслись с пониманием, организовав их доставку даже самолетами. Избавиться от них удалось только в начале 1990-х при активном участии международных правозащитных и научных организаций и с привлечением армии. Но это пока уникальный случай. Яноама все это стоило по меньшей мере пятой части населения (убийства, занесенные старателями болезни),

но, кроме того, им оставили землю в состоянии подлинной экологической катастрофы. А старатели... они перебрались восточнее, на алмазные россыпи близ Рапоза Серра-до-Сул, где еще не была законодательно оформлена ИТ, и все продолжалось в том же духе, пока в 2005 г. ИТ Рапоза не была, наконец, узаконена президентским декретом (указ же о ее создании был издан еще в 1988 г.!). Реакция была бурной. Губернатор штата объявил 7-дневный траур, центр образования и культуры в Рапозе был разгромлен, несколько индейцев убиты (подобное случалось и раньше: в 2000 г. белым днем в столице штата также были расстреляны несколько индейцев, и в печати приведены имена убийц. Но все они оказались родичами или наемниками крупного местного фазендейро, по совместительству еще и шефа местной полиции. Об их задержании и осуждении информации нет. И все это, не считая волны судебных исков, демонстраций протеста, блокад дорог, антииндейских кампаний в СМИ и давления местных парламентариев на федеральное правительство. А самой новой ИТ президент и правительство создали еще одну проблему: кое-кому явно не хватило компетенции (или это было сделано умышленно?), и в резервации, населенной четырьмя нациями, управляющей ею совместно с госорганами, объявлена была только одна нация. Это является превосходной почвой для межэтнических конфликтов¹⁰.

Столкновения с гаримпейро происходят и в других штатах. В 2004 г. в Рондонии индейцы синтас ларгас, неоднократно еще в 60—70-х годах подвергавшиеся нападениям нанятых фазендейро бандитов, перебили 29 старателей в своей резервации, да еще и изгнали незаконных колонистов. Проблема гаримпейро существует в том числе и потому, что крупные компании редко добиваются правительственного разрешения на разработки, предпочитая действовать руками как раз нелегальных старателей. И это при том, что индейцы в принципе не против самих разработок при условии, что они проводятся по их правилам. Это хорошо демонстрирует случай с кайяпо, которым удалось добиться получения доли в прибылях старателей на своей территории. Однако этот сам по себе успешный случай имел и оборотную сторону. Гаримпейро ведут разработки золота способом, при котором реки отравляются ртутью. Так, вдоль р. Тапажос добывается золота на 1 млрд долл./год, но ежегодно в нее же попадает 170 т ртути. У кайяпо дети заражены ртутью так же, как и сами гаримпейро. Участки добычи золота являются рассадниками малярии, что ведет к ежегодному приросту заболеваемости среди индейцев на 600%. Стремясь оградить население от подобных последствий, Федерация коренных народов Рио-Негро пошла по другому пути: добилась на своих территориях в штате Амазонас запрета и прекращения добычи полезных ископаемых.

Другую опасность для индейцев Амазонии представляет вырубка лесов, происходящая, несмотря на все законы об охране природы, в огромных масштабах, включая нелегальные вырубки. Когда в Восточной Амазонии началась разработка железных рудников и появились чугуноплавильные заводы, лес стал быстро исчезать. Только в местности Сера-до-Каража на эти нужды вырубается до 1500 км² леса в год, а на западе штата Мараньян более 6000 км². Просто на древесный уголь. Если топливо привозить, производство станет нерентабельным. И в итоге сегодня «во имя прогресса» более половины лесов Восточной Амазонии уже истреблены. Добавим к этому огромные площади, затопленные в результате строи-

тельства ГЭС на реках бассейна Амазонки, против чего индейцы всегда справедливо протестуют.

Поскольку аналогичное хищничество происходит и в соседних странах, например, в Перу (так что сформировалась настоящая международная лесосомафия), это порождает новые проблемы. Так, спасаясь от нелегальных лесорубов, перуанские индейцы, избегающие контактов с белыми, стали проникать на территорию штата Акри, что создало угрозу безопасности местного индейского населения, особенно таких же самоизолировавшихся групп¹¹. Единственный реальный выход — пресечь нелегальную торговлю древесиной, особенно каобы, вырубка которой в Бразилии запрещена, но продолжается в Перу: бразильцы купят...

Еще одна угроза для индейцев — деятельность миссионеров. Нет, автор не собирается утверждать, что все они плохие люди, и в той же Бразилии много примеров обратного. Но все же нередко их деятельность наносит вред, хотя бы они того или нет. Так, например, по свидетельству итальянской исследовательницы, в штате Рорайма в сельву с попустительства церкви, беспрепятственно проникают разного рода туристы и оккупанты, а вот чтобы проводить исследования, оказывать индейцам медпомощь и т.д. на территориях, подведомственных миссиям, необходимо получить письменное разрешение в столице. В штате Амазонас миссионеры попытались улучшить жизнь охотников-собираателей маку и стали сселять их в крупные поселки. Это сразу повлекло за собой проблемы с охотой и даже стройматериалами для домов. Замена традиционных материалов на промышленные нарушила микроклимат в жилищах, начался рост заболеваемости, к тому же возросло внутриобщинное напряжение, появился алкоголизм и т.д. Наконец, самих индейцев также беспокоит то, что под влиянием миссионеров разрушается, вследствие евангелизации, их культура, в миссионерских поселках происходит и быстрая утрата родного языка.

Как для самих индейцев (особенно тех немногих, что смогли получить высшее образование), так и для сочувствующих им организаций (бразильских и зарубежных) очевидно, что спасение индейцев в существующих условиях зависит от их организованности. Однако, по точному замечанию Г. дос Сантоса Лусиано, в Бразилии не существует индейского движения как такового, есть множество отдельных индейских движений, поскольку каждая деревня, локальная группа, нация, территория создают свои. Первые индейские организации стали появляться еще в 1970-х годах. Проблемы у них общие: борьба за землю, здравоохранение, образование, экономика, и уже выдвинуты собственно индейские проекты по защите ИТ. Индейцы также активно сотрудничают, например, с биологами в деле сохранения биоразнообразия Амазонии, налаживания правил поддержания своего традиционного хозяйства, с антропологами и социологами в деле сохранения своей культурной самобытности, языков, изучения этнической ситуации в крупных резервациях и развития своего участия в бразильской политике. В результате сформировалась довольно влиятельная сила в лице политических индейских лидеров. Всего индейских организаций/ассоциаций в стране более 700 (общинные, локальные, региональные, природоохранные, отдельных наций, профессиональные и т.д.). Одна из самых успешных, пожалуй, — Федерация коренных народов Рио-Негро, объединяющая все ассоциации региона. Чтобы попасть на территорию данной ИТ, посторонним требуется непосред-

венно согласие правления Федерации. Формально существует Союз индейских наций (União de Nações Indias, UNI), объединяющий индейские организации Бразилии. Именно формально. Участвуют индейцы и в работе международных организаций (например, Координационного совета индейских организаций бассейна Амазонки, резиденция которого находится в Рио-де-Жанейро). Но сама перспектива создания в национальном масштабе единого индейского движения совершенно не устраивает местные власти, да и федеральные тоже. Куда проще иметь дело с разрозненными силами. К тому же сохраняет остроту вопрос о недостаточной квалификационной подготовке индейских лидеров. Им обычно просто недостает образования, чтобы эффективно участвовать в работе даже местных административных органов (не говоря уж о федеральных). «Кадры решают все»... Увы, справедливо. Тот факт, что в Бразилии сегодня лишь три человека из индейцев занимают должности префекта, и три — субпрефекта, сам по себе показателен. Опора на федеральные, а не на местные власти, как показывает практика, более эффективна, ввиду большей беспристрастности первых. Большую помощь индейцам оказывают и разнообразные НПО: Индихенистский миссионерский совет (по защите прав индейцев), «Операция Амазония аборигенная», Рабочий индихенистский центр, Комиссия по защите яномами, и др.¹² Но реально индейцам действительно приходится рассчитывать прежде всего на самих себя. А это крайне сложно в современных условиях для обществ, которым просто не дают быть экономически независимыми и самообеспеченными. Конечно, с наступлением глобализации в деле помощи индейцам (далеко не всегда положительном по своим последствиям) стали участвовать крупные международные силы (например, Всемирный банк; впрочем, на его же совести уничтожение «во имя прогресса» лесов штата Рондония¹³). Именно поэтому ряд ученых полагают, что будущее индейцев в Бразилии сегодня все еще не может считаться гарантированным и по-прежнему находится под угрозой, хотя положение и можно исправить, но с обязательным участием всех заинтересованных в этом (включая и правительственные) организаций, и, разумеется, самих индейцев, но не как подопечных, а как равноправных партнеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ B.G. dos Santos Luciano. O Índio Brasileiro: o que você precisa saber sobre os povos indígenas no Brasil de hoje. Brasília, 2006, p. 27—28; 51, 80; E.Silva. Povos e culturas indígenas no Brasil: Superar desinformações, equívocos e preconceitos. — www.cnl.org.br; Historia dos Índios Brasileiros. — www.portalsaofrancisco.com.br; M.Venturi. A situação atual dos índios do Brasil. — www.coladaweb.com/; L.D.Grupioni Mari. Índios: passado, presente e futuro. — www.forumeja.org.br; M.P.Gomes. The Indians and Brazil. Gainesville, 2000, p. 80, 158.

² B.G. dos Santos Luciano. Op. cit., p. 120, 28, 32; M.Polia. Gli indios dell'Amazzonia. Milano, 1997, p. 4,8; Tribos Indígenas Brasileiras. Arara. — www.arara.fr/BBTRIBOS.html; Povos Indígenas. — www.corumba.com.br; Tribos Indígenas do Brasil. — www.desvendar.com; M.P.Gomes. Op.cit., p. 250—258; K.Stenzel. Lenguas y tradiciones orales en la Amazonia brasileña. — Lenguas y tradiciones orales de la Amazonia. ¿Diversidad en peligro? La Habana, 2006, p. 87, 273; J.Ribamar Bessa Freire. Sussidi una storia sociale delle lingue in Amazzonia. — Ricerca sul campo in Amazzonia. Roma, 2009, p. 105, 254.

³ A.T.Campbell. Getting to Know Waiwai. Routledge, London and New York, 1995, p. 219; B.G. dos Santos Luciano. Op. cit., p. 30, 134—138, 183—185, 37—38; М.М.Юнтинг. Сравнительные данные по мультикультурным автономиям. — Политика самостоятельности. М. 2008, с. 84,30; Л.А.Файнберг. Обманчивый рай: человек в тропиках Южной Америки. М., 1986, с. 150—151; V.M.Laurio. Roraima: di chi é la

Montagna del Sole? — Amazzonia Indigena. Roma, 2008, p. 239, 242; Л.А.Файнберг. Указ. соч., с. 125.

⁴ М.Р. G o m e s. Op. cit., p. 250; Л.А.Файнберг. Указ. соч., с. 149, 138; B.G. d o s S a n t o s L u c i a n o. Op. cit., p. 42. 191—193; М.М ю н т и н г. Указ. соч., с. 119; Л.А.Файнберг. Указ. соч., с. 119.

⁵ Л.А.Файнберг. Указ. Соч., с.145; А.С а р р о. In Amazzonia. Feltrinelli, Milano, 2006, p. 164. 133; В.Ли. Создание «прекрасных людей» у мебенгокре. — «Латинская Америка», 2006 № 11, с. 87, 90; G.B a m o n t e. Macú. Roma, 2004, p. 79, 95, 98; K.M.S i l v i u s. Bringing the Gap. Between Western Scientific and Traditional Indigenous Wildlife Management. The Xavante of Rio das Mortes Indigenous Reserve, Mato Grosso, Brazil. — People in Nature. New York, 2004, pp. 42—43; E.M o r e i r a. Dall'altro lato della montagna... Le reti sociali degli Ye'cuana in Brasile. — Amazzonia Indigena. Roma, 2008, p. 226—227; A.A d k i n. The Paradox of Transnational Indigenous Identities in Argentina. — <http://lanic.utexas.edu/project/etext/llilas/ilassa/2007>;

⁶ A.T.C a m p b e l l. Op. cit., p. 220; G.B a m o n t e. Problema dei Marginali tra gli indios dell'Amazzonia. Roma, 2003, p.280; P.B o l l e t t i n. Kuben Gnomioia. Le Merci importate tra i Mebengokré-Xikrin del Rio Bakajá. — Ricerca sul campo in Amazzonia. Roma 2009, p. 44; 46—47; J.P a c h e c o d e O l i v e i r a. Storia, politica e religione tra I Ticuna. Roma, 2005, p. 15, 22; L.E m i r i. Amazzonia portatile. Manni, San Cesario di Lecce, 2003, 74; 83; M.P.G o m e s. Op. cit., p. 135—136; J.P o z z o b o n. Macú. Roma, 2004, p. 127—128; K.S t e n z e l. Op. cit., p. 95—97; B.G. d o s S a n t o s L u c i a n o. Op. cit., p. 124, 136—137, 160—162; 91; G.B a m o n t e. Macú, p. 197, 204; A.M.A l v a r e z. Políticas culturales y lenguas en peligro: un acercamiento a la Amazonia. — Lenguas y tradiciones orales de la Amazonia. ¿Diversidad en peligro? La Habana, 2006, p.83—84; F.J.U l l á n d e l a R o s a. Los indios ticuna del alto Amazonas ante los procesos actuales de cambio cultural y globalización. — Revista Española de Antropología Americana, 2000, N 30, p. 314; A.Carpó. Op. cit., p. 132.

⁷ M.P.G o m e s. Op. cit., p. 98; М.М ю н т и н г. Указ. соч., с. 84; F.A r o c e n a. Multiculturalism in Brazil, Bolivia and Peru. — Race & Class 2008, <http://rac.sagepub.com/cgi/content/abstract/49/4/1>; B.G. d o s S a n t o s L u c i a n o. Op. cit., p. 87—88. 108—110, 112, 51, 54, 38; A.Carpó. Op. cit., p. 19.

⁸ M.P o l i a. Op.cit., p. 107; M.P.G o m e s. Op. cit., p. 181, 186—187; E.S i l v a. Op.cit.; B.G. d o s S a n t o s L u c i a n o. Op. cit., p. 193, 98, 112; Л.А.Файнберг. Указ. соч., с. 148, 151,145; F.L a c. El rescate cultural y turismo. Los Kaingang de Iraí (Brasil) como tourees. — Estudios y perspectives en Turismo, vol. 16 (2007), p. 26-44; M.Ancede. Los indios ganan a los magnates. — www.publico.es/3376/indios/brasil/.../guarani; Catholic World News. — <http://www.cwnews.com>; E.Silva. Op. cit.

⁹ Л.А.Файнберг. Указ. соч., с. 146—147; B.G. d o s S a n t o s L u c i a n o. Op. cit., p. 199; A.L.R i z z o d e O l i v e i r a. Associazionismo indigeno e sviluppo. — Ricerca sul campo in Amazzonia. Roma, 2009.

¹⁰ V.M.L a u r i o l a. Op. cit., p. 254, 255, 270; M.A n c e d e. Op. cit.; G.M a c M i l l a n. At the End of the Rainbow? Gold, Land and People in the Brazilian Amazon. New York — London, 1995, p. 123—124; L.E m i r i. Op. cit., p. 77; The Brazilian, 2000.

¹¹ F.A r o c e n a. Op. cit., p. 7; G.M a c M i l l a n. Op. cit., p. 123, 125; В.Ли. Указ. соч.; M.P o l i a. Op.cit., p. 109; М.М ю н т и н г. Указ. соч., с. 80; L.C o r m i e r. Kinship with Monkeys. New York, 2003, p. 13. Л.А.Файнберг. Указ. соч., с. 138; M.P.G o m e s. Op. cit., p. 195—196; A.M o r o t e. SOS Amazonia: Presionados por madereros indios peruanos huyen hacia el Brasil. — www.generacion.com

¹² L.E m i r i. Op. cit., p. 52; J.P o z z o b o n. Op. cit., p. 135—137; B.G. d o s S a n t o s L u c i a n o. Op. cit., pp. 57—67, 81, 73; A.C a r p o. Op. cit., p. 103.

¹³ Из личной беседы с менеджером ВБ Н.Робертсом. Санкт-Петербург, 1998 г.